

ВАЛЬТЕР БЕНЬЯМИН

ЛЮДИ ГЕРМАНИИ

АНТОЛОГИЯ ПИСЕМ
XVIII-XIX ВЕКОВ

GRUNDRISSE

Вальтер Беньямин

**Люди Германии. Антология
писем XVIII–XIX веков**

«Издательство Грюндриссе»

1936

Беньямин В.

Люди Германии. Антология писем XVIII–XIX веков /
В. Беньямин — «Издательство Грюндриссе», 1936

ISBN 978-5-904099-16-9

Ничто так не пленит читателя, желающего проникнуть в мир этого автора, как несколько писем, которые охватывают период с 1783 по 1883 гг. и которые Беньямин отобрал для публикации и прокомментировал. В основу отбора лег уникальный принцип, выделяющий именно это столетие как венец буржуазной эпохи. Комментарии проливают свет на время написания писем и на написавших их людей, а Беньямин предстаёт перед нами как человек, наделённый необычайной способностью очень точно оценивать язык. Публикация каждого из этих писем свидетельствует о настойчивости Беньямина: издать их ему удалось в 1936 г. в Швейцарии; за заглавием «Люди Германии» стоит судья и одновременно искренне любящий человек, который показывает своему смятенному отечеству его отражение в зеркале, а вместе с тем и образ немецкого гуманизма, некогда присущий этой стране. Бенно Рейфенберг В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-904099-16-9

© Беньямин В., 1936

© Издательство Грюндриссе, 1936

Содержание

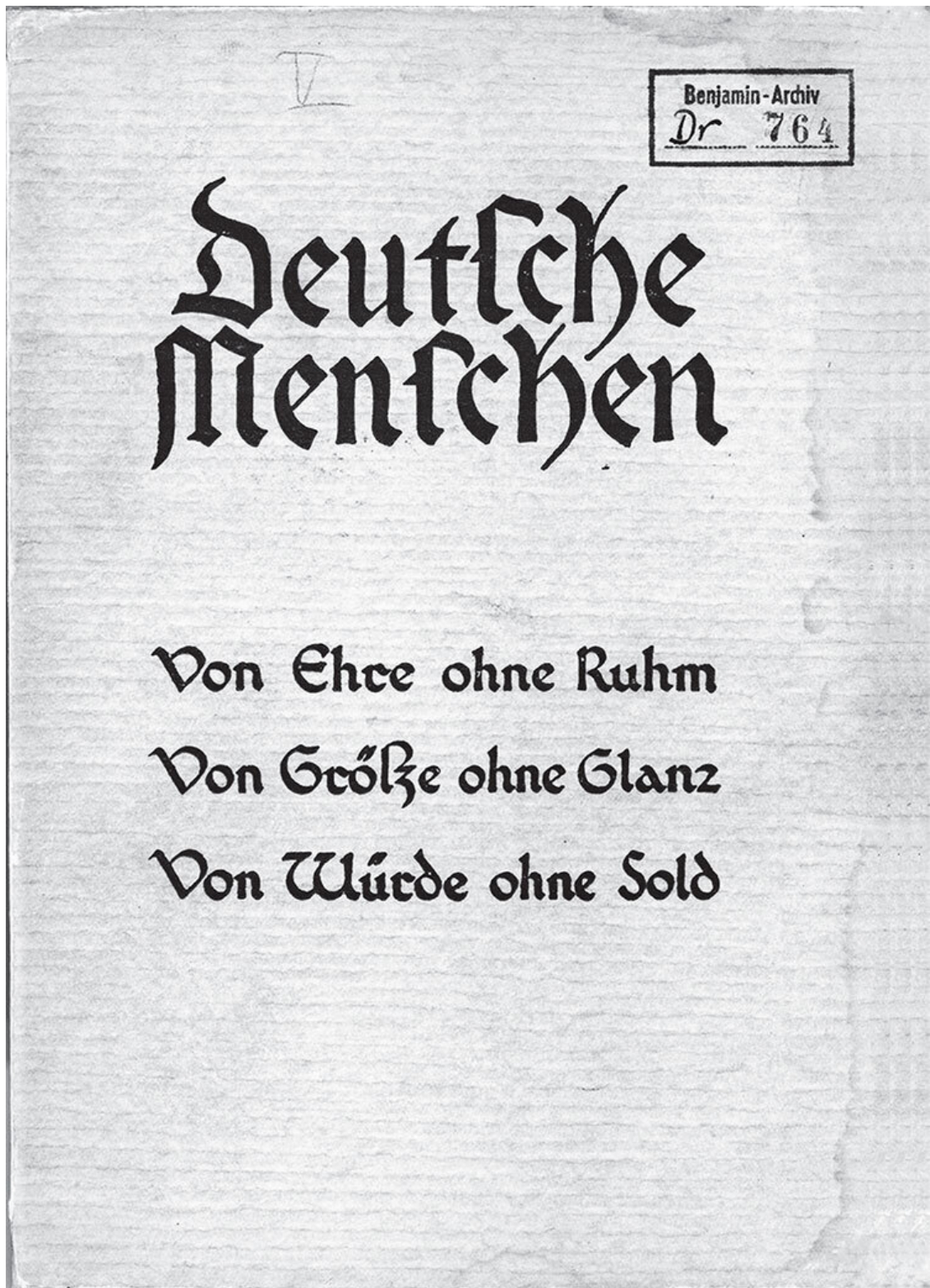
О судьбе без удачи – или всё же...	8
Люди германии	10
Предисловие	11
Карл Фридрих Цельтер – канцлеру фон Мюллеру	12
Георг Кристоф Лихтенберг – Г.И. Амелунгу	15
Иоганн Генрих Кант[16] – Иммануилу Канту	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вальтер Беньямин
Люди Германии. Антология
писем XVIII–XIX веков

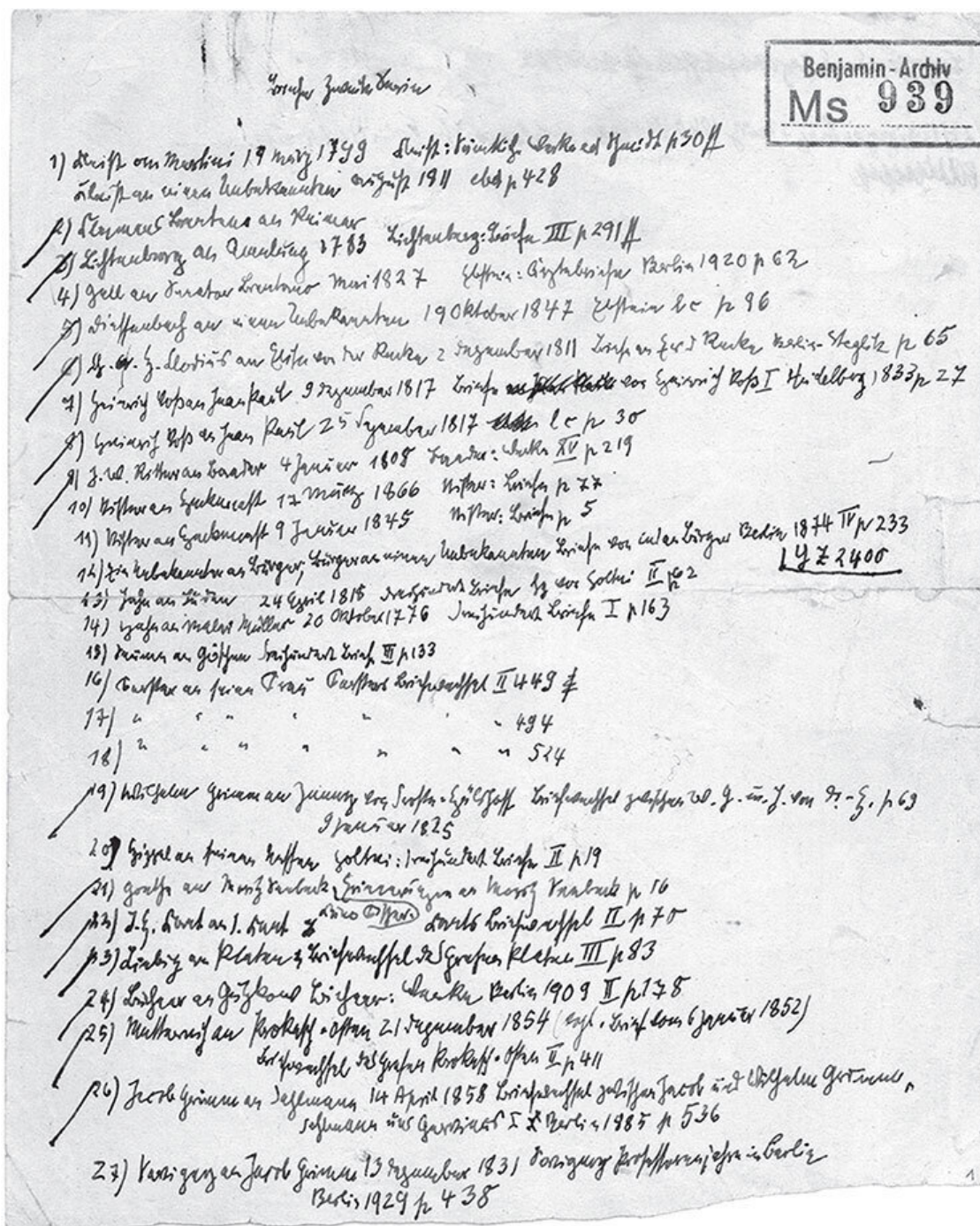
© Akademie der Künste, Archiv

© ООО «Издательство Грюндриссе», издание на русском языке, 2015

* * *

Обложка антологии писем В. Беньямина «Люди Германии» (Vita Nova Verlag, Luzern, 1936)

С. 9. Рукопись В. Бенямина. 1931. Список из 31 письма, 13 из которых были опубликованы в газете «Франкфуртер Цайтунг» с апреля 1931-го по май 1932 года

О судьбе без удачи – или всё же...

Книг в достаточно долгой литературной и интеллектуальной жизни Вальтера Беньямина было совсем немного. Да и те четыре, что появились при жизни, были небольшие и словно бы случайные – не они, как правило, находились в центре внимания последних десятилетий, когда их автор стал предметом многочисленных исследований и дискуссий. Конечно, обстоятельства жизни Беньямина не всегда способствовали созданию и особенно публикации книг. Однако как раз книга, которую читатель держит в руках (она стала четвёртой и последней в жизни автора), служит доказательством того, что всё обстоит гораздо интереснее.

Вальтер Беньямин по своим склонностям был библиофилом и коллекционером. Только вот стать владельцем богатых собраний ему так и не удалось, а с тем, что было собрано, так или иначе пришлось расстаться. Но таким же коллекционером он был и за пределами материального мира, в своих изысканиях. Повсюду он собирал редкости, забытые достопримечательности. Согласно заглавию одной из своих заметок, «Вести раскопки и восстанавливать память», он как археолог по мелочам восстанавливал ушедший жизненный мир – не только достаточно удалённое прошлое, но и недавно завершившийся девятнадцатый век, и годы своего детства. Спешил запечатлеть для следующих поколений приметы своего времени в «Улице с односторонним движением». Он постоянно что-то выписывал на листках-карточках, которые складывались в картотеки и тематические пачки. Так рождались и его статьи, и его книги. Иногда эти листки переходили из одной пачки в другую, и тогда оказывалось, что это уже новая статья или новое направление поисков. Ему бы очень пригодился компьютер, которого тогда ещё не было.

Странные и казавшиеся ненужными вещи привлекали зачастую его внимание. Только Беньямин мог начать очерк о Гёте с замечания, что тот не любил большие города и почти не бывал в них. Это он взялся за реконструкцию театра и драматургии барокко, к тому времени порядком забытого. Собирал материалы об уличных фонарях и дворах Парижа девятнадцатого века, о старых куклах, о мещанском быте. Но быть человеком, опередившим своё время, хорошо только в посмертных жизнеописаниях. Это сейчас публикуется масса работ по истории повседневности, а барокко не первое десятилетие относится к числу интенсивно разрабатываемого материала, барочные оперы идут во многих театрах. При жизни Беньямина к его увлечениям относились разве что снисходительно, как к милым чудачествам. Статью о Гёте в «Большой советской энциклопедии» забраковали, а диссертация о барочном театре так и осталась незащищённой. Но он твёрдо стоял на своём, и даже когда стремился откликнуться на запросы времени, делал это привычным неповторимым путём.

Старые письма – одно из полей археологических раскопок Беньямина. К концу двадцатых годов, когда он серьёзно занялся эпистолярными штудиями, публикации писем не были редкостью. Прежде всего, как отмечал сам Беньямин, это были собрания писем известных людей (например, переписка Шиллера и Гёте), в том числе и подарочные издания, с золотым обрезом. О существовании таких книг многие знали. Во многих домах они украшали книжные полки. Одна беда: их мало кто читал, разве что специалисты. А Беньямину хотелось, чтобы письма стали именно чтением, чтобы в них оживали голоса людей, которые их писали. И чтобы читатель слышал эти голоса и видел то время, из которого они звучали. Так родилась публикация серии комментированных старых писем в газете «Франкфуртер Цайтунг» в 1931–1932 годах.

Письма охватывают столетие с конца восемнадцатого по конец девятнадцатого века. Письма разные, написанные разными людьми и по разным поводам. Иногда это люди известные, иногда нет, но письма все относятся к числу редких, не известных широкой публике, а порой и настолько редких, что о них вообще мало кто помнил. Важно, однако, что интерес Беньямина к этим письмам был в первую очередь не интересом собирателя редкостей. Столетие, о котором речь, отмечено наполеоновскими войнами, затем, прямо посередине, – суровой

цезурой революции 1848 года и, наконец, объединением Германии и франко-прусской войной. В это время завершила своё существование многовековая феодально-лоскутная Священная Римская империя и её место заняла новая, национальная имперская Германия, в это время прошла модернизация немецких земель, и, что занимало Беньямина более всего – в это время сформировалась традиция нового немецкого гуманизма, были созданы произведения искусства, литературы и науки, благодаря которым Германия во многом и вошла в историю мировой культуры. И создали их те люди, которые как раз тогда вышли на первый план, сменив родовую аристократию, – бюргерство, как их называли в Германии, третье сословие, как их называли в своё время во Франции, разночинная интеллигенция, как их называли в России девятнадцатого века. И все эти исторические перипетии нашли разнообразные отражения в письмах, собранных Беньямином.

Вынужденный бежать в начале 1933 года из страны, Беньямин не оставил своих коллекционерских привычек. Уже во Франции он подготовил небольшое собрание писем немцев, написанных в годы Великой французской революции. Не забыл он и той газетной подборки писем, что была напечатана до эмиграции. В сотрудничестве со швейцарским издательством *Vita Nova* было решено издать их отдельной книжечкой. Первоначально Беньямин рассчитывал увеличить число писем вдвое, однако вскоре выяснилось, что необходимые источники во Франции отсутствуют, а потому книга в основном повторила уже опубликованное ранее в газете, но с новым предисловием. Поскольку публикация во «Франкфуртер Цайтунг» в своё время шла без указания на личность Беньямина, печатать книгу было решено под его старым псевдонимом – Детлеф Хольц, чтобы можно было продавать её и в Германии. Отсюда и несколько двусмысленное заглавие книги, и её оформление, которые, как предполагалось, смогут усыпить бдительность нацистских идеологических функционеров. Сам же Беньямин рассчитывал, что книга станет тайным антифашистским оружием, поскольку она показывает, что у немецкого народа, у немецкой культуры есть совсем другие традиции, другое наследие, не те, которые рисовала нацистская пропаганда. Был ли он наивен? Трудно сказать. Во всяком случае, он рассчитывал на то оружие, которым владел.

Книга вышла из печати в 1936 году, допечатана на следующий год. Определённый интерес она вызвала, однако вскоре события в Европе приняли такой оборот, что о подобных тонких инструментах пришлось надолго забыть. Общественный интерес и коммерческий успех в очередной раз обошли Беньямина стороной. Лишь годы спустя обнаружилось, что часть тиража, считавшаяся утраченной, так и лежала в одном из книжных швейцарских подвалов – к радости библиофилов.

Читая эту книгу сегодня, трудно отделаться от постоянных мысленных параллелей между судьбами участников переписки и судьбой самого Беньямина. Книга словно о нём самом – таком же немецком интеллигенте, не нашедшем места в академической жизни, но не бросившем науку, вынужденном ругаться с издателями из-за мизерных гонораров, но не прекращающем писать, спасающемся в изгнании, но не забывающем о родной культуре. А главное – не теряющем достоинства ни в какой ситуации. Беньямин словно замыкает вереницу исторических личностей, представленных в этой книге, он пытается спасти созданное ими, сохранить лицо немецкой интеллигенции – и своё собственное. К нему так же применим эпиграф книги: «О чести без славы, о величии без блеска, о благородстве без награды». Он так же не думал о славе, почестях, наградах. В сущности, эта книга о нём. И поскольку Беньямин сам считал себя хроническим неудачником, в том числе и о судьбе без удачи. Или...

Сергей Ромашко

Люди германии

О ЧЕСТИ БЕЗ СЛАВЫ

О ВЕЛИЧИИ БЕЗ БЛЕСКА

О БЛАГОРОДСТВЕ БЕЗ НАГРАДЫ

Предисловие

Двадцать пять писем этого тома охватывают период в целое столетие: первое письмо написано в 1783 году, последнее – в 1883. Порядок – хронологический. Его нарушает лишь письмо, помещённое в начале¹. Датированное серединой означенного периода, оно возвращает читателя к началу эпохи, совпавшей с юностью Гёте, ко времени утверждения прочных позиций бюргерства; и оно же, написанное в связи со смертью Гёте, проливает свет на конец этой эпохи, когда бюргерство ещё сохраняло свои позиции, но уже не тот дух, что позволил ей их завоевать. То было время, давшее бюргерству шанс бросить на весы истории своё веское, отчеканенное слово. Но, кроме слов, предъявить ей оказалось почти нечего, поэтому с приходом поколения грюндеров оно и нашло свой бесславный конец². Гёте отчётливо провидел этот конец задолго до появления названного письма, семидесятишестилетним старцем, и передал свои впечатления Цельтеру в следующих словах: «Богатство и скорость – вот то, чему дивится и поклоняется мир. Железные дороги, быстрая почта, пароходы – словом, всевозможные средства связи неудержимо влекут к себе цивилизованный люд, готовый исказить свой облик им в угоду и оставаться из-за этого на уровне посредственности... В сущности, это век умников и смышлёных дельцов, которые, будучи наделены известной ловкостью, чувствуют своё превосходство над остальными, хотя сами летают не слишком высоко. Так давай же сколь можно дольше сохранять тот образ мыслей, с каким мы сюда явились, и тогда – вместе с другими, возможно, совсем немногими – мы останемся верными той эпохе, которая возвратится ещё не скоро»³.

Предисловие было написано Вальтером Бенъямином к изданию 1936 г., осуществлённому швейцарским издательством «Вита Нова» (Vita Nova Verlag, Luzern). Именно тогда впервые удалось опубликовать под одной обложкой письма немецких интеллектуалов XVIII–XIX вв., которые Вальтер Бенъямин помещал с 1930 по 1932 г. в газете «Франкфуртер Цайтунг», сопровождая своими комментариями. Издательство предложило название для антологии – «Люди Германии» (*Deutsche Menschen*) – и выпустило её под псевдонимом Детлеф Хольц.

¹ Говоря о 25 письмах (а не о 27, как в наст. изд.), Бенъямин, вероятно, исключает, помимо письма Шлегеля, не вошедшего в издание 1936 г., письмо Цельтера, «выдернутое» из хронологического ряда. (Надо отметить, что оно – не единственное, нарушающее порядок. Например, письмо Песталоцци тоже от него отклоняется.)

² Эпоха грюндерства – период с 1871 по 1874 гг. в Германии, для которого характерны быстрое промышленное развитие и финансовый авантюризм, ставшие следствием франко-прусской войны и провозглашения Второго рейха. Эта эпоха ознаменовала конец того спокойного и зажиточного мира, в котором жила немецкая буржуазия.

³ Из письма от 6 июня 1825 г.

Карл Фридрих Цельтер – канцлеру фон Мюллеру

Берлин, 31 марта 1832

Лишь сегодня, достопочтенный друг, я нашёл в себе силы выразить Вам признательность за живейшее участие, для коего на этот раз и вправду имеется основание.

Предчувствиям и опасениям моим суждено было исполниться. Час пробил. Стрелка времени остановилась, точно солнце над Гибеоном, ибо распростёршись лежит человек, который на Геркулесовых столпах обошёл Вселенную, пока князья мира сего копошились в пыли у его ног.

Что могу я сказать о себе? Вам? Остальным? Всему свету? Ушёл Он прежде меня, но теперь с каждым днём я всё больше приближаюсь к Нему и вскоре окажусь с Ним рядом, дабы навеки сохранить то счастливое умиротворение, каковое долгие годы насыщало жизнью и радостью разделявшее нас расстояние в тридцать шесть миль.

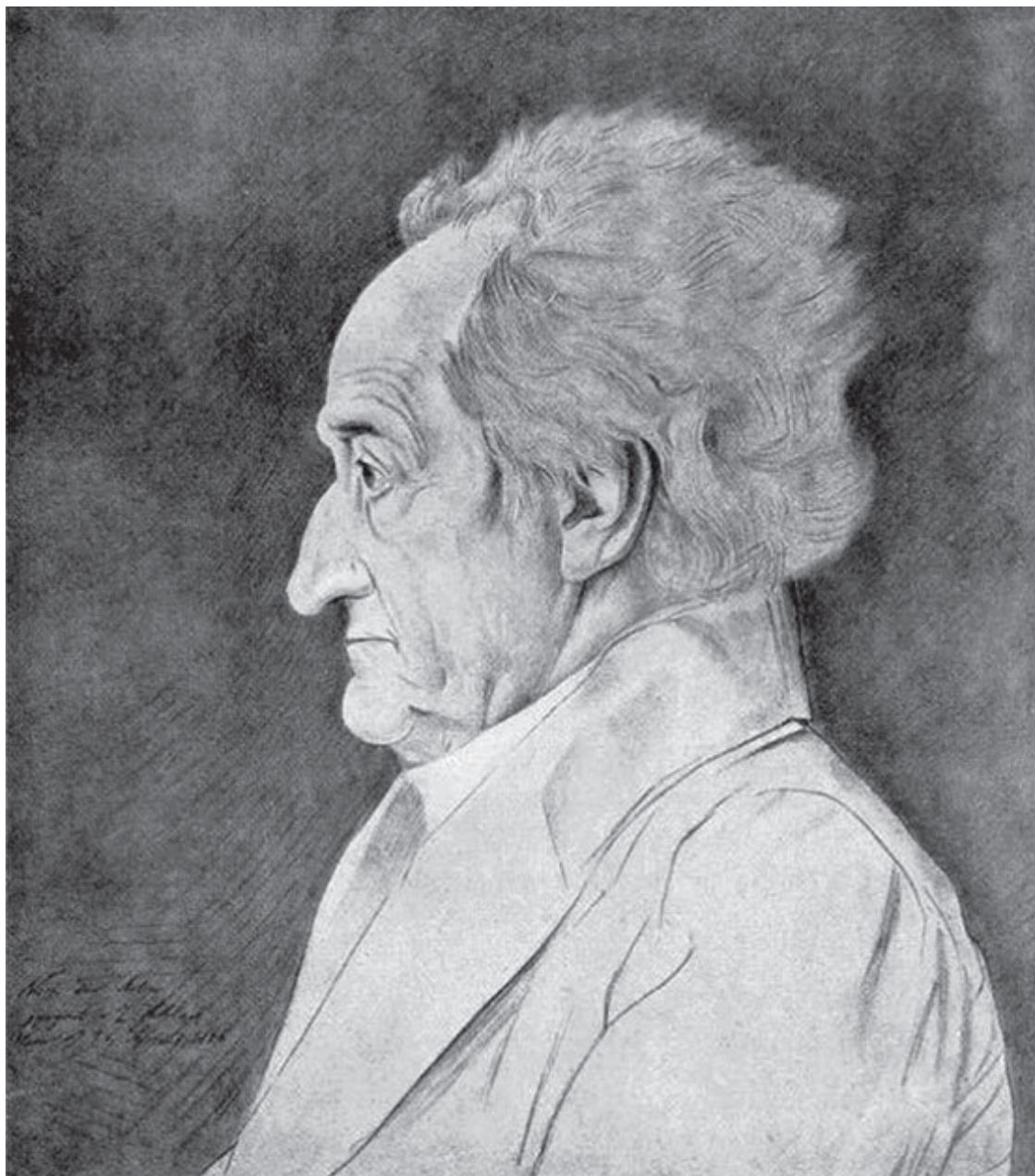
Теперь же прошу Вас об одном: не лишайте меня чести получать Ваши дружеские послания. Что я вправе знать, судите сами, ибо Вам хорошо известно о ничем не омрачённом союзе двух друзей, столь единых по образу мыслей и столь разных по их содержанию. Сейчас я как вдова, что переживает утрату мужа, господина своего и благодетеля! И всё же скорбеть мне не подобает; я должен с восторгом созерцать оставленное мне богатство. Такое сокровище я обязан сберечь и приумножить.

Простите меня, великодушный друг! Жаловаться мне не пристало, но старые мои глаза не слушаются и льют слёзы. Впрочем, я видел однажды, как и Он плакал, в том и ищу себе оправдание.

Цельтер

Карл Фридрих Цельтер (1758–1832) – профессор Берлинской академии искусств, композитор и дирижёр, внёсший большой вклад в возрождение интереса к музыке Баха. В 1802 г. он познакомился с Гёте, их знакомство вылилось в многолетнюю дружбу и переписку. Эта переписка была впервые опубликована в 1834 г. и составила шесть томов. Цельтер умер два месяца спустя после смерти Гёте. Выбранное Бенъямином письмо Цельтера написано менее чем через 10 дней после смерти Гёте (Гёте умер 22 марта 1832 г.).

Фридрих фон Мюллер (1779–1849) – политик и юрист, канцлер Великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенах, близко общался с Гёте. Карл Буркхардт издал «Беседы Гёте с канцлером Фридрихом фон Мюллером» (Штутгарт, 1870).

Ф.Ю. Себберс. Гёте. 1826

Известно знаменитое письмо, написанное Лессингом после смерти жены и адресованное Эшенбургу. «...жена моя умерла. Что ж, теперь я прошёл и через это. Радуюсь лишь тому, что подобных испытаний мне в жизни больше не предстоит, и душе от этого легко. Приятно и то, что в сочувствии с Вашей стороны, равно как и со стороны наших друзей из Брауншвейга, сомневаться не приходится»⁴. И это всё. Столь же великолепным лаконизмом обладает куда более длинное письмо Лихтенберга, написанное немногим позже другу юности по сходному поводу. Ибо, как ни подробно изложены в нём житейские обстоятельства маленькой девочки, взятой Лихтенбергом в свой дом, как ни далеко углубляется рассказ в её детство, обрывается письмо внезапно и ужасно, на полуслове, словно бы смерть настигла не только любимую автора,

⁴ Выдержка из письма Лессинга И.И. Эшенбургу от 10 января 1778 г. Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781) – поэт, литературный критик и драматург, философ, один из главных деятелей немецкого Просвещения. Иоганн Иоахим Эшенбург (1743–1820) – богослов, философ, историк литературы. Более всего известен как переводчик полного корпуса сочинений Шекспира.

но и самое его перо, закрепившее память о ней на бумаге. В мире, где переменчивая мода диктовала чувствительность, а в поэзии царила атмосфера гениальности, прозаики негибимой воли, Лессинг и Лихтенберг в первую очередь, запечатлели прусский дух чище и человечнее, чем он воплотился в милитаризме Фридриховой эпохи⁵. Это тот дух, что находит выражение у Лессинга: «Я хотел устроить своё счастье не хуже, чем у других. Но всё пошло прахом»⁶ и внушает Лихтенбергу страшную фразу: «Врачи всё ещё надеются, но мне кажется, что всё пропало, мне-то ведь не платят золотом за мою надежду»⁷. Просоленные слезами, укрощённые самоотречением строки, глядящие на нас из этих писем, по своей предметной конкретности ни в чём не уступят нынешним писаниям. И более того: запас внутренней прочности этих буржуа остаётся каким был, его не коснулось варварское разграбление, постигшее – через цитирование и придворные театры – «классиков» в девятнадцатом веке.

⁵ Имеется в виду Фридрих II (он же Фридрих Великий, 1712–1786) – король Пруссии с 1740 г., покровитель искусства, литературы и философии, реорганизатор прусской армии.

⁶ Из письма Лессинга Эшенбургу от 31 декабря 1777 г.

⁷ Из письма Лихтенберга Майстеру от 4 августа 1782 (?) г. Альбрехт Людвиг Фридрих Майстер (1724–1788) – профессор математики в Гёттингене, ближайший друг Лихтенберга и его преподаватель в области фортификации.

Георг Кристоф Лихтенберг – Г.И. Амелунгу

Гёттинген, начало 1783

Бесценнейший друг,

вот это я и зову истинно немецкой дружбой, мой любезный. Примите тысячу благодарностей за то, что по мните обо мне. Я не сразу отвечаю на Ваше письмо, Бог видит, что мне довелось претерпеть. Вы, как и должно, будете первым, кому я сделаю это признание. Прошлым летом, сразу по получении Вашего последнего письма, я понёс ужаснейшую потерю в моей жизни. *Никто* не должен узнать того, о чём я Вам пишу. В 1777 году (семёрки поистине не принесли мне счастья) я свёл знакомство с некоей девушкой, дочерью здешнего горожанина⁸, от роду в то время лет тринадцати. Столь полного воплощения красоты и кротости мне встречать не приходилось, хотя повидал я в жизни немало. Впервые я увидел её в обществе пяти или шести сверстников, и все они, как заведено здесь у детей, стояли на городском валу, продавая прохожим цветы. Она предложила мне букет, я его купил. Меня сопровождали трое англичан, которые у меня столовались и жили. *God almighty*, сказал один из них, *what a handsome girl this is*⁹. Я и сам это заметил, поскольку же мне было хорошо известно, какой содом царит в нашем городишке, то я всерьёз вознамерился забрать с торжища это удивительное создание. Я нашёл время поговорить с ней наедине и попросил её навестить меня в моём доме. «Я к парням на квартиру не хожу», – отвечала она. Однако, узнавши, что я профессор, она в один из дней пришла ко мне вместе со своей матерью. Буду краток: она забыла о цветочной торговле и провела у меня весь день. Скоро я убедился, что в её совершенном теле живёт именно такая душа, какую я издавна искал, но не находил. Я обучал её письму, счёту и другим премудростям, каковые, не превращая её в сентиментальную верхоглядку, день ото дня развивали в ней разум. Мой физический аппарат, стоивший мне 1500 талеров, поначалу привлёк её только своим блеском, но под конец пользование этим устройством стало её единственным развлечением¹⁰. Итак, наше знакомство сблизило нас до крайности. Она уходила от меня поздно, а наутро снова возвращалась; её повседневной заботой сделалось содержание в порядке моих вещей, от шейного платка до воздушного насоса, – и всё это устраивала она с такой небесной кротостью, о какой прежде я не мог и вздумать. В итоге, как, должно быть, Вы догадались, с Пасхи 1780 года она осталась у меня насовсем. Склонность её к новому образу жизни была столь горяча, что если она когда и сбегала с лестницы, то лишь для того, чтобы пойти в церковь и побывать у причастия. Мы с ней были неразлучны. Когда она оставалась в церкви, мне чудилось, что я отослал вслед за ней мои глаза и прочие органы чувств. Словом, она стала моей женой и без пастырского благословения (простите мне эти слова, мой лучший и бесценный друг). Я же не мог без сердечного умиления и взглянуть на этого ангела, связавшего свою жизнь с моей таким образом. Сама мысль о том, что она пожертвовала ради

⁸ Имя этой девушки Мария Доротея Штехард (1765–1782).

⁹ Боже всемогущий, какая красавица! (англ.).

¹⁰ Как известно, Лихтенберг преподавал естественные науки в университете Гёттингена и углублённо занимался физическими опытами, но о каком аппарате здесь идёт речь, неизвестно.

меня всем, быть может, даже не сознавая всей великости своего поступка, была для меня несносна. Я всегда усаживал её за стол, когда обедал с друзьями, покупал ей платье, приличествующее её положению, и с каждым днём любил её всё сильнее. Нешуточным моим намерением было соединиться с ней перед лицом всего света, о чём она стала всё чаще мне напоминать. Великий Боже! И это небесное создание, эта девушка умерла на заходе солнца 4 августа 1782 года. Я пригласил лучших врачей, я предпринял всё, всё, что только было возможно. Подумайте о сказанном, мой любезный друг, и позвольте мне на этом закончить. Продолжать я не в силах.

Г.К. Лихтенберг

Георг Кристоф Лихтенберг (1742–1799) – учёный, публицист. Научные исследования проводил в разных областях: в математике, геофизике, астрономии, химии, наибольшую известность ему принесли изыскания в области физики. Посмертной литературной славой обаян своим афоризмам.

Готтхильф Иеронимус Амелунг (1741–1800) – друг и однокашник Лихтенберга, пастор, состоявший с ним в многолетней переписке. С Лихтенбергом его связывали, в частности, общие интересы в области физики.

Чтобы проникнуться духом следующего письма, нужно иметь в виду крайнюю скудость не только этого пасторского дома в Прибалтике, оделённого разве что долгами да четырьмя детьми, но и дома близ Замкового рва¹¹, где жил адресат письма – Иммануил Кант. Здесь не было «оклеенных обоями или великолепно расписанных комнат, собраний живописи, эстампов, роскошных предметов обихода, пышной или хоть сколько-нибудь ценной мебели, не было даже библиотеки, для многих, правда, тоже составлявшей лишь часть меблировки. Жилец этого дома никогда не предавался дорогим увеселениям, прогулкам и даже играм – ничему подобному»¹². Войдя, «попадаешь во власть мирной тишины... Поднявшись по лестнице... поворачиваешь налево и, пройдя очень простой, ничем не украшенной и изрядно закоптелой передней, видишь более просторную комнату, выполняющую роль гостиной, но лишённую какой-либо роскоши. Диван, несколько простых, обитых холстом стульев, горка с фарфоровой посудой, бюро, хранящее домашнее серебро и немного денег про запас, рядом термометр, консоль... – вот и вся мебель, занимавшая часть выбеленных стен. Далее посетитель входит в очень простую и скромную дверь и – побуждаемый приветливым окликом “Входите!” – оказывается в столь же бедном Сан-Суси»¹³.

¹¹ Иммануил Кант в 1783 г. купил дом возле Кёнигсбергского замка, на Принцессин-штрассе.

¹² Цитата из книги «Примечательные высказывания Канта в передаче одного из его застольных друзей» (1804), написанной профессором теологии, ориенталистом Иоганном Готфридом Хассе (1759–1806).

¹³ Цитата из книги «Примечательные высказывания Канта в передаче одного из его застольных друзей» (1804), написанной профессором теологии, ориенталистом Иоганном Готфридом Хассе (1759–1806). «Бедным Сан-Суси» здесь назван кабинет. Прибегнуть к такой метафоре Хассе позволяет тот факт, что этот дворец Фридриха Великого был единственной частной резиденцией, не предназначенной для представительских целей.

Неизвестный автор. Дом Канта. 1842. На заднем плане – башня западной стены Кёнигсбергского замка

Таким путём, видимо, и следовал юный студент, привёзший это письмо в Кёнигсберг. Несомненно, всё оно проникнуто истинной человечностью. Но, как и всякое законченное творение, оно одновременно обозначает также условия и границы того, чему даёт столь завершённое выражение. Условия и границы человечности? Конечно, и, надо думать, они бросаются нам в глаза тем сильнее, чем отчётливей выделяются на фоне средневекового образа жизни. Если Средневековье ставило человека в центр Вселенной, то для нас такое положение и состояние столь же проблематично, будучи подорвано новыми средствами научного исследования и познания, разложено на тысячу элементов и тысячу законов природы, подвергших наш образ радикальной трансформации. И теперь мы оглядываемся на эпоху Просвещения, для которого законы природы ни в одном пункте не входили в противоречие с ясно обозримым порядком природы и которое понимало этот порядок как некую регламентацию: все подданные распределены по сословиям, науки – по отделам, имущество – по сундучкам, человека же как *homo sapiens* оно отличало от других творений одним лишь тем, что тот одарён разумом. Такова была пространственная узорность, в которой человечность разворачивала свои возвышенные деяния и без которой была обречена на увядание. И если неразрывная связь убогого, тесного существования и подлинной человечности нагляднее всего выражается у Канта (явившего собой фигуру, срединную между школьным учителем и народным трибуном), то письмо его брата показывает, как глубоко в народе было укоренено подобное чувство жизни, нашедшее выражение в писаниях философа. Иными словами, когда речь заходит о человечности, не следует забывать об узенькой бюргерской комнатке, куда Просвещение бросало свой свет. И вместе с тем здесь выявляются и более глубинные социальные предпосылки, на которых зиждется отношение Канта к своим братьям и сёстрам¹⁴: забота, которой он их окружал, и то поразительное

¹⁴ Из девяти детей, рождённых матерью философа, выжили пятеро: у Иммануила Канта была старшая сестра, две младшие и младший брат – автор письма Иоганн Генрих.

прямотушие, с каким он раскрывал им свои намерения касательно завещания и других видов поддержки, которую оказывал им при жизни, следя, чтобы никто из них – ни его собственные братья и сёстры, «ни их многочисленные дети, из коих кое-кто и своих детей имел, не терпели бы нужды»¹⁵. И так, пишет он дальше, будет продолжаться, пока он не освободит своё место в этом мире, но и после него, есть надежда, для родственников и семьи останется нечто не вовсе незначительное. Понятно отсюда, почему племянники – в этом послании и последующих – так «ластятся... на письме» к своему досточтимому дядюшке. И действительно, когда их отец умер в 1800 году, раньше своего брата-философа, Кант завещал им то, что прежде полагалось покойному.

¹⁵ Из письма Канта брату Иоганну Генриху от 17 декабря 1796 г.

Иоганн Генрих Кант¹⁶ – Иммануилу Канту

Альтраден, 21 августа 1789

Любезный брат!

Думаю, будет разумно, если мы с тобой, после череды лет, прошедших без переписки, снова сблизимся друг с другом. Оба мы стары, и вскоре кто-то из нас отойдёт в вечность; посему нам подобает оживить в памяти минувшую пору, но с условием – впредь время от времени (пусть и нечасто, но уж точно не дожидаясь, пока минуют годы или даже пятилетия) посылать друг другу весточки о том, как мы оба живём, *quomodo valetus*

¹⁶ Иоганн Генрих Кант (1735–1800) – брат философа Иммануила Канта, пастор в Альтрадене, городе в прусской провинции Позен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.